

Евгений Семичев

АРГУВАН

* * *

В саду зацветает шиповник.
На ветке поёт соловей –
Отчаянный юный любовник
Восторженной песни своей.

Шипы ему петь не мешают.
Они бережат его кровь.
А раны – они украшают.
Они возвышают любовь.

О, розовый пламень Востока,
Цветущий на ветке зари,
Твой свет, как шиповник, жестоко
Сжигает меня изнутри.

Тебе я, читатель, открою
Заветную тайну свою.
И сам я бываю порою
Подобен тому соловью.

Восторженный музы любовник,
Поклонник и рыцарь её.
А этот цветущий шиповник –
Разбитое сердце моё.

* * *

Про тебя говорят старики,
Как про высшее Божье чудо,
Абдулла Махаммад Рудаки –
Светоносная лютия Панджруда.

Когда милости Бог раздавал,
Он стоял у небесного горна,
Потому что в то время ковал
Для тебя соловьиное горло.

Бог сверх меры плеснул серебра
И небесного чистого света.
Золотой головой Бухара
Преклонилась
        пред песней поэта.

В саманидских садах соловьи
Затихали в унылой печали,
Когда звонкие бейты твои
На устах у влюблённых звучали.

Горько плакал на небе Аллах,
Омывая лицо звёздным светом.
И бухарский воинственный шах
Называл тебя
        первым поэтом.

...Прокатилась звезда, как слеза
По шершавой щеке небосвода.
Шах велел твои выжечь глаза
В избежанье прозренья народа.

И бредёшь ты,
        как странник слепой,
Никакого не ведая страха,
Соловьиной небесной тропой
В заповедном саду у Аллаха.

* * *

«Почин»,
 «раскат»,
 «кукушкин перелёт»,
 «Трель»,
 «клыканье»,
 «курлыкание», «дробушка» –
 Колено за коленом выдаёт
 Соловушка – зазнобушка – пичужка.
 Бывает до двенадцати колен
 (А курский баловник – того поболее...)
 Напоминают нам: всё в мире тлен
 И прах вселенский, окромя любви.
 Соловушка – зеленоглазый Лель!
 Откидывай любовное коленце!..
 «Пастушья дудка»,
 «лешева свирель»
 Ножом разбойным рассекают сердце.

* * *

Стихами мудрыми своими
 Возвысил ты язык фарси.
 Никто твоё не знает имя,
 Абулькасим Фирдоуси.
 Потомкам псевдоним оставил,
 Как поэтическую блажь.
 Но Персию в веках прославил
 И родовой очаг свой –Баж.
 Как несгибаемая крепость
 Для всех блуждающих во тьме,
 Восстал твой легендарный эпос
 Благословенный «Шах-наме».

Наследник бедного дахкана
 Взрыл вековечную тоску
 И мощь небесного вулкана
 Вдохнул в бессмертную строку.

Во мгле бездомного изгнания
 Нажил седины старика.
 ...А всенародное признание
 К тебе пришло через века.

* * *

Мне унылого счастья не жалко...
 Пропадай! И была – не была!
 Полночь лунная, словно русалка,
 В звёздный омут меня завлекла.
 В этом омуте плещет из сини
 Лучезарная звёзд чешуя...
 О себе, о любви, о России
 Мне расскажет русалка моя.

Почему на степной оттоманке,
 Заглядевшись на призрачный свет,
 Вор скулил об одной персиянке.
 А о Персии плакал поэт.

Поклоняясь кабацкому дыму,
 Мужики в беспросветном хмелю,
 Как на праздник, шагали на дыбу
 Или лезли от скуки в петлю.

В звёздный омут бросали любимых
 И с русалкой крутили любовь.
 А по рощам огнём на рябинах
 Зрела ягоды пьяная кровь.

Бесшабашное наше веселье –
 Леденящая душу напасть:
 Нахлебаться отравного зелья
 И в объятья русалки упасть.

Чтоб могли на глухом полустанке,
 Серебро разменявши на медь,
 О какой-то шальной персиянке
 Люди русские плакать и петь.

* * *

Арабский лев, иранский сокол –
 Абульхасан Шахид Балхи.
 На небе Персии высокоом
 Аллах прочёл твои стихи.

И разделил с Исою мненье
 О золотой твоей строке,
 Чтоб я бессмертное творенье
 Постиг на русском языке.

Я прочитал тебя, философ,
И тайну сердцем угадал.
Оставил больше ты вопросов,
Чем сам на них ответов дал.

Но лишь один урок извечный
В твоих трудах усвоил я –
Как о любви сказать сердечной,
Учились персы у тебя.

Чтоб песнь поэта стала мудрой,
Должна постичь его душа
Величье льва, соколю удаль,
Ум волка и печаль стрижа.

Спасибо за совет твой царский
И за небесные стихи,
Иранский волк и стриж арабский,
Абульхасан Шахид Балхи.

* * *

Моя душа ночует в небесах,
Как стриж, над звёздной бездной
зависая.

И ничего не смыслит в словесах,
Которыми я воздух сотрясаю.

Как стриж не смыслит,
что стрижёт во сне
Небесный свет, когда во мгле кочует.
Моя душа забыла обо мне
И в бороде у Господа ночует.

Ей хорошо в Господней бороде
Купаться в сизом ладане и млеке.
А я-то где? Скажите, люди, где?
Ну, что ж вы приумолкли, человеки?

Моя душа висит на волоске...
А я не сплю и причитаю в голос.
А вдруг Господь в задумчивой тоске
Забудется и вырвет этот волос.

И поплывёт душа моя, дрожа.
И крыльями немых высот коснётся
Печальной тенью синего стрижа,
Который на рассвете не проснётся.

* * *

То не звёзд золотые огни
Пламенеют над кущами сада,
Фахриддин Асаад Гургани
Возжигает влюблённым лампы.

То не пылкий трепещет жасмин,
И не роза, как пламя, пылает.
То влюблённый красавец Рамин
Ненаглядную Вис обнимает .

То не в кущах звенит тишина
Над Гурганом ночью порою,
А, ревнуя влюблённых, луна
Мир накрыла небесной чадрою.

То не в красных цветах аргуван
Лепестками огня облетает.
А пленительной гурии стан
Поцелуями ночью осыпает.

То не ангельский призрачный свет
Сыплет небо за ворот Эдему,
А – придворный персидский поэт
О любви сочиняет поэму.

* * *

Красивая, как молния в грозу,
Ты, вспыхнув, моё сердце осветила.
И, на ладонь мне уронив, слезу
В жемчужину Востока обратила.

Ты мне сказала: «Вот подарок мой!
Его я подняла со дна морского.
Достоин он оправы дорогой,
Поскольку сотворён для дорогого...»

Русалочка печальная моя,
Твои глаза нерусского покроя
Искрятся, как восточные моря,
Средь русского заснеженного моря.

В них огненные сполохи грозы
И тьма неукрошаемого бунта...
Не стоит ни одной твоей слезы
Моей любви завьюженная смута.

Любимая, мне небо говорит,
 Что сердце у поэта одиноко.
 А на ладони у меня горит
 Твоя слеза – жемчужина Востока.

* * *

Родила Ситара сына.
 Назвала его Али.
 Трижды крикнул: «Ибн Сина!..»
 Ангел в солнечной дали.

Трижды Божий промыслитель
 Известил весь белый свет,
 Что явился в мир целитель
 И блистательный поэт.

Солнце ярко осветило
 Мир персидский на заре.
 «В небе новое светило», –
 Говорили в Бухаре.

Эта весть, как свет, мгновенно
 Разнеслась во все концы.
 А в Европе «Авиценна!»
 Восклицали мудрецы.

Свет твоих небесных строчек,
 Твой бесценный Божий дар
 Напитал один источник
 С райским именем Кавсар .

Ангел нежным дуновеньем
 В жизнь твою вдохнул рассвет.
 Под персидскую сиренью
 Появился ты на свет.

* * *

Сирень прижалась к моему окну.
 Доверчивости этой не нарушу.
 А лишь окошко настезь распахну
 И в дом впущу сиреневую душу.

Она моей прокуренной душе –
 Желанная заветная отрада.
 А если с милой рай и в шалаше,
 То им двоим и терема не надо.

А я на табуретке посижу
 В унылом уголке мироздания.
 И с завистью украдкой погляжу
 На это мимолётное свиданье.

Им хорошо двоим и без меня,
 И без моих непрошенных объятий.
 Достаточно и света и огня
 Для пылких и восторженных понятий.

Их призрачное счастье не навек.
 Их встречи мимолётные так редки.
 ...О чём ты плачешь, добрый человек,
 Сидящий на скрипучей табуретке?..

* * *

В Нишапуре птица-бейта
 Залетела к шейху в дом.
 Клюв у птицы, словно флейта.
 Сто отверстий в клюве том.

У аптекаря Атгара
 (Не поверит мне никто!)
 Песен звёздная отара,
 Соловьёв певучих – сто.

Все за пазухой гнездятся.
 Каждый песней знаменит.
 «На подарки пригодятся...» –
 Говорит Атгар Хамид.

Достаёт он птицу-бейту
 В час раздумий о любви.
 Дует в клюв ей, как во флейту –
 Вылетают соловьи.

– Чем богаты, тем и рады.
 Я их людям раздаю.
 Пусть поют для них рулады.
 Каждому – по соловью.

* * *

Приручу твои ресницы
 Всем сомненьям вопреки.
 Эти две пугливых птицы
 Будут пить с моей руки.

Будут, будут, будут, если
В свои руки их возьму.
Мы споём такие песни,
Что не снились никому.

Мы таких рулад насажем
И налепим птичьих гнёзд.
И таких снопов навяжем
Из лучей окрестных звёзд,

Что все чудо за границы
Потускнеют на века.
...Эти две пугливых птицы
Приручу наверняка!

* * *

У любимой на груди
В бело-розовом тумане
Спит усталый Саади,
Словно ангел в Гулистане.

Много странствовал он лет.
Глубоко устал от песен.
Встретил милую поэт
И уснул в бутонах персий.

Гулистан – цветущий сад.
С того солнечного лета
Называют сад – Саад
В честь великого поэта.

Абдулла Муслихаддин
Средь достойнейших и равных
Из поэтов был один
Удостоен чести славной.

В том саду
    среди ветвей
Воспевает рай нетленный
Лучезарный соловей –
Ширази благословенный .

Всякий божий день в году
Все персидские поэты
Величают в том саду
Соловьиные рассветы.

Бело-розовый туман
На ветвях зари не тает.
Алым цветом Аргуван
На ветру огнём пылает.

В знойных солнечных лучах
Млеют юные фиалки.
Я такие же встречал
В городском рязанском парке.

В этом парке среди ветвей,
Прославляя рай нетленный,
Пел рязанский соловей –
Ширази благословенный.

* * *

Улыбка благодатная
Слетела с Божьих уст
И молнией ударила
В шиповниковый куст.

И пробежал по веточкам
Зелёный огонёк,
И розовые свечечки
На веточках зажжёт.

Улыбку неба вешнего
Я целовать иду,
Шиповником зацветшую
В заплаканном саду.

Пусть больно расцарапаю
Я губы до крови –
Не зря с небес шарахнула
Мне молния любви.

Твой ряженный, твой суженый...
Ты узнаёшь меня?
Я молнией контуженный,
Любимая моя.

* * *

С детских лет неокрепший мой разум
Будоражил персидский Восток,
Где в цветущей долине Ширази
Бьёт поэзии чистый исток.

Там склонились великие тени
 Рудаки, Фирдоуси, Балхи...
 По-рязански, по-русски Есенин
 О любви им читает стихи.

И внимают поэту поэты
 Гургани, Ибн-Сина, Агтар...
 И небесных светил минареты
 В их сердцах возжигают пожар.

Саади от волнения замер.
 И уверовал мудрый Аллах,
 Что в далёкой славянской Рязани
 Небеса в облаках, как в чалмах.

Соловьи распевают рулады,
 И тюльпаны дрожат на ветру...
 Ничего мне для счастья не надо.
 Я за песни Ширази умру!

В понедельник, во вторник иль среду
 (Дайте только мне время и срок!)
 Я в долину Ширази уеду
 На цветущий персидский Восток.

Разменяю рубли на динары
 И куплю у чайханщика с рук
 Для своей ненаглядной Гульнары
 Шитый златом кафтан-архалук.

Кротких глаз потаённая нежность
 Обжигает сильнее огня.
 Если глотки неверным там режут –
 Пусть в Ширазе нарежут меня.

Мне знакома такая расправа.
 Среди смуты российской и тьмы
 Разгулялась разбойная слава –
 Резать глотки умеем и мы.

Разлилось по Руси половодье.
 Разошлось, как круги по воде,
 Воровское блатное отродье...
 Разве Родину бросишь в беде?

В понедельник, во вторник
иль в среду...
 Для себя я усвоил одно:
 Ни в какой я Шираз не уеду.
 Вышла замуж Гульнара давно.

А ещё мне известно заранее:
 В дни народных смятений и бед
 Ни в Ширазе, ни даже в Рязани
 Никому ты не нужен, поэт!

Разметалось кромешное эхо.
 А Шираз ослепительный мой
 Не дождался меня, сам приехал
 И на рынке торгует хурмой.

1. Иса – на Востоке мусульмане так называют Иисуса Христа.
2. «Вис и Рамин» – поэма Гургани о влюблённых.
3. Аргуван – дерево с багряными цветами.
4. Кавсар – райский источник.
5. Ширази – почётное название уроженца Ширази, нисба (кличка) поэта Саади.

Евгений Николаевич Семичев родился в 1952 году в Новокуйбышевске. Окончил факультет режиссуры Куйбышевского государственного института культуры и Высшие литературные курсы Литературного института им.М. Горького (семинар Ю. Кузнецова). Поэт, секретарь Союза писателей России, автор восьми книг поэзии и двух книг переводов. Лауреат премии журнала «Наши современники» (дважды), всероссийских премий – «Новая книга России – 2002» и Лермонтовской (2004), Большой литературной премии России (2006), Международной премии им. Р. Гамзатова (2007), Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2009). Живёт в городе Новокуйбышевске Самарской области.